

**КОММУНИКАЦИЯ И СЕТЬ КАК ДВЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНОСТИ**

О.М. Михайленок¹,
e-mail: m-oleg-m@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-8379-359X,
SPIN-код: 2874-1960, AuthorID: 385479

А.В. Назаренко¹
e-mail: alek_nazarenko@mail.ru, AuthorID: 722165,
SPIN-код: 8447-2700, ORCID 0000-0002-7520-4206,
Scopus Author Id: 57205367405

¹Центр политологии и политической социологии Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Поступила в
редакцию
17.05.2024

Поступила
после рецензирования
21.07.2024

Принята
к публикации
25.08.2024

Аннотация. Целью статьи является прояснение смысла феноменов «коммуникация» и межличностное «сетевое взаимодействие», разделение их границ, дефиниций и эволюционных перспектив в плане политической организации человека и социальности.

На основе представленной двойственности определений авторы обосновывают, что информационное пространство изобилует на первый взгляд взаимоисключающими нарративами о жизни людей в «связанном мире», в «человеческой паутине», в «сетевом обществе» и одновременно о жизни «свободной», «независимой», «индивидуальной». Авторы отмечают, что открывается возможность для оценки глубинной сути, содержания, направленности, пределов и перспектив циркулирующей между людьми информации в контексте организации как самого человека, так и любой создаваемой им локальной или глобальной социальности.

В результате ключевым понятием возникшей логической дихотомии «связанность – свобода» становится именно «связанность», способная при определённых условиях примирить между собой «свободу» и «самостоятельность», уравновесив их «взаимодействием» и «взаимозависимостью». Изучение и структурирование сущности смыслов феноменов «коммуникации» и « сетевого взаимодействия» позволяет абстрагировать границы и в контексте информационного обмена рассматривать их как эквивалентные понятия.

В заключение делается вывод, что в современных условиях глобальной социальности, с одной стороны, человек озадачен свалившейся на него самостоятельностью в результате окончательного крушения иллюзий относительно способности любой внешней сторонней иерархической систематизации социальности и формализации себя в ней в том или ином качестве; с другой стороны – ему постепенно приходит понимание того, что собственная самостоятельность по-прежнему имеет определённые границы, детерминированные его принадлежностью к некоему общему локальному или глобальному социальному.

Ключевые слова: коммуникация, сеть, система, структура, человек, человеческое, информация, символическое, политическое, посредник, миф

Информация о финансировании: Статья подготовлена в рамках госзадания ФНИСЦ РАН за 2024 год по теме «Сетевой подход к выстраиванию общественных и политических коммуникаций» (№ 124081500017-9) при поддержке Минобрнауки России и ЭИСИ.

Для цит.: Михайленок О.М., Назаренко А.В. Коммуникация и сеть как две технологии политической организации человека и социальности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Том 19. – № 5. – С. 12-42.
DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-5-12-42 EDN AGPPYS

© Михайленок О.М., Назаренко А.В., 2024

**COMMUNICATION AND NETWORK AS TWO TECHNOLOGIES
OF POLITICAL ORGANIZATION OF MAN AND SOCIALITY**

O. M. Mikhailenok¹

e-mail: m-oleg-m@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-8379-359X,
SPIN: 2874-1960, AuthorID: 385479

A. V. Nazarenko¹

e-mail: alek_nazarenko@mail.ru, AuthorID: 722165,
SPIN: 8447-2700, ORCID 0000-0002-7520-4206,
Scopus Author Id: 57205367405

¹Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow)

Received
17.05.2024

Revised
21.07.2024

Accepted
25.08.2024

Abstract. The purpose of the article is to clarify the meaning of the phenomena of "communication" and interpersonal "network interaction", to separate their boundaries, definitions and evolutionary prospects in terms of the political organization of man and sociality.

Based on the presented duality of definitions, the authors substantiate that the information space is replete with seemingly mutually exclusive narratives about the life of people in the "connected world", in the "human web", in the "network society" and at the same time about the life of "free", "independent", "individual". The authors mark that an opportunity opens up to assess the deep essence, content, direction, limits and prospects of information circulating between people in the context of the organization of both the person himself and any local or global sociality created by him.

As a result, the key concept of the emerging logical dichotomy of "connectedness – freedom" becomes precisely "connectedness", which is capable, under certain conditions, of reconciling "freedom" and "independence", balancing them with "interaction" and "interdependence". The study and structuring of the essence of the meanings of the phenomena of "communication" and "network interaction" allows us to abstract the boundaries and, in the context of information exchange, consider them as equivalent concepts.

In conclusion, it is concluded that in the modern conditions of global sociality, on the one hand, a person is puzzled by the independence that has fallen on them as a result of the final collapse of illusions regarding the ability of any external third-party hierarchical systematization of sociality and formalization of oneself in it in one capacity or another; on the other hand, he gradually comes to understand that his own independence still has certain boundaries, determined by his belonging to a certain general local or global social.

Keywords: communication, network, system, structure, person, human, information, symbolic, political, mediator, myth

Funding information: The article was done within the framework of the state assignment of the Federal Scientific and Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2024 on the topic "Network approach to building public and political communications" (registration number 124081500017-9) with the support of the Ministry of Education and Science of Russia and EISI

For citations: Mikhailenok, O. M., Nazarenko, A.V. (2024) Communication and network as two technologies of political organization of man and sociality. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Volume 19, no.5, P.12-42 DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-5-12-42 EDN: AGPPYS

ВВЕДЕНИЕ

Нашему современнику всё чаще приходит понимание того, что окружающий его мир гораздо сложнее всех придуманных им функциональных схем, объясняющих его функционирование, приделы и эволюционные перспективы. Крушение иллюзий относительности системности мира и человеческого поведения привело к смещению акцентов на основание человеческого общежития. На эту роль начинает претендовать человек, озадаченный свалившейся на него самостоятельностью. Одновременно с этим его не покидает ощущение принадлежности к некоему общему, подкрепляемое неожиданными последствиями его поступков, раз за разом приводящими к непредсказуемым трансформациям в контексте не только сущностного наполнения самого человека, но и сущностного наполнения окружающей его социальности. Очевидно, что это неизбежно приведёт к изменению топологии межличностных взаимодействий, а вслед за ним – как их перспектив, так и перспектив возможных форм социальной интеграции. Поскольку цельного гармоничного мироздания человеку достичь одним прыжком не удалось, он, оказавшись по колону в руинах, начал рискованные социальные эксперименты по возрождению привычной для него системности мира, руководствуясь теперь исключительно своими желаниями и собственными представлениями о системности окружающего его мира. Достаточно быстро выяснилось, что подобное маниакальное стремление нашего современника к сохранению за собой роли системного творца и признания его в этом качестве подвело его к опасной черте, за которой нет и не может быть не только какого-либо общего, но даже и его частного личного. В результате этого окружающее человека информационное пространство начало изобиловать на первый взгляд взаимоисключающими нарративами о жизни в «связанном мире», в «человеческой паутине», в «сетевом обществе» и одновременно о жизни «свободной», «независимой», «индивидуальной» и никоим образом не способствующей добровольной социальной интеграции. Закономерно, что ключевым понятием возникшей логической дихотомии «связанность – свобода» стала именно «связанность», которая, на наш взгляд, при определённых условиях окажется способной примирить между собой «свободу» и «самостоятельность», уравновесив их «взаимодействием» и «взаимозависимостью». Достижима ли она, учитывая то, что смысловая наполненность, характер и топология отношений между людьми являются производной процесса восприятия и самовосприятия человеком как личности себя и «другого» –

чувственно эмоционального и логически рационального одновременно? Вероятно, для этого человеку придётся просто отказаться от детерминации конечной цели, структурирующей любую социальность, и начать жить, постепенно «выстраивая» себя в этой жизни таким образом, чтобы появилась возможность создать вокруг себя такое пространство, в котором будет хорошо не только ему самому, но и остальным окружающим его людям. Речь ведь в конечном счёте идёт о возможности человека каким-то образом обеспечить «связанность» между людьми, которая определит в итоге окончательный облик человеческого сообщества как глобальной социальности.

Поскольку любые действия людей, включающие и отношения между ними, можно объяснить посредством или детерминацией их источника – «Кто?», или детерминацией их характера – «Как?», или детерминацией их содержания – «Что?», возникают три возможных варианта возможной социальной сборки – «массовое общество», «сетевое общество» и «информационное общество». Первое из них является формой «сообщества» и «организации» людей в качестве «соплеменников» на всех его уровнях – индивидуальном и групповом. Второе – фиксирует форму и организацию обработки и обмена действиями между людьми как «соратниками» посредством связывающей их воедино сети. И наконец, третье – фиксирующее информационную «среду», где уже вместе действуют «соплеменники» и «соратники». Поскольку во всех возможных вариантах социальной «глобальности» подспудно присутствует «целенаправленность» на нечто «общее», небезынтересно рассмотреть в этом контексте процесс социальной «перколяции» – превращения «социального золя» в «социальный гель», в ходе которого попробовать выявить взаимосвязь и распределить роли между «источником» реакции, «способом» её протекания и «средой», в которой она протекает, акцентируя особое внимание на их смысловую социальную «направленность» или, наоборот, «ненаправленность». То есть речь фактически идёт о пределах и перспективах организации как самого человека, так и любой создаваемой им локальной или глобальной социальности. Возможно, подобный подход позволит снять затемняющую смысловую «пелену» с феномена «сети» и феномена «коммуникации», превращающую их, по сути, в эквивалентные понятия, природа которых легко описывается посредством математической абстракции – графов. Заметим, что в многочисленных графических интерпретациях топологии коммуникаций и сетевых взаимодействий их изображения полностью совпадают.

Целью настоящей статьи является прояснение смысла феномена «коммуникация» и феномена межличностного «сетевое взаимодействие», позволяющее не только провести между ними чёткую границу, но и оценить их эволюционные перспективы в организации как самого человека, так и любой создаваемой им локальной или глобальной социальности.

Метод реализации предлагаемого исследовательского плана предполагает возвращение к сути феномена «коммуникация» посредством применения в отношении него упрощённой формализованной линейной схемы информационного обмена между людьми как коммуникантами. Поскольку «природа» и «сущность» контактов между людьми детерминированы информацией, их следует рассматривать в качестве своеобразного «репликатора», способного вызвать качественные мутации психологических черт человека и его склонностей в весьма широком смысловом диапазоне от «предельного эгоизма» до «кроткого альтруизма». Далеко не случайно в последнее время возникло и широко распространилось понятие «мем», имеющее весьма широкий смысловой диапазон, включающий в себя «идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок». Посредством «имитации» «мемы» могут «реплицироваться», а значит, любая изначальная «мем-идея» будет переходить от одного человека к другому. Очевидно, что движущим мотивом для подобных имитационных переходов становится психологическая «привлекательность» транслируемых и воспринимаемых человеком «мем-идей», которые могут стать основой для организации как самого человека, так и любой создаваемой им локальной или глобальной социальности. Поскольку «мем-идеи» будут всегда передаваться от человека к человеку в изменённой форме, это запускает процесс как непрерывной «мутации» человека или его становления, так и его закономерного социального «слияния» с другими людьми с помощью осознанного выбора путей обуздания эгоистической тирании посредством правильного соотношения в нём «эгоистических» и «альтруистических» начал (Докинз, 2013, С. 547–570).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В силу универсальности предлагаемой схемы информационного обмена между людьми «мем-идеями» она хорошо накладывается на сеть межличностных взаимодействий, обнажая их глубинную суть, пределы и социальные перспективы. Это даёт возможность выявить кардинальное отличие коммуникации от межличностных

сетевых взаимодействий, а значит, обнаружить условия, при которых эти понятия по своему смысловому наполнению в перспективе либо «сойдутся», либо окончательно «разойдутся» между собой. В результате подобного мысленного эксперимента появляется возможность не только прояснить отдельные дискуссионные стороны межличностных контактов, но и обнаружить нечто большее – их истинную природу, глубинную суть и смысловую направленность на организацию как самого человека, так и любой создаваемой им вокруг себя локальной или глобальной социальности. Ключевым, определяющим и организующим фактором в этом плане становится информация, причём не столько её информационное содержание, сколько смысл её трансляции сторонами информационного обмена.

С целью достижения цели с помощью избранной нами исследовательской стратегии начнём с феномена коммуникации. Отметим, что он является потенциально многозначным в силу того, что речь идёт о способах, которыми руководствуются люди при организации своей социальной жизни, и универсальных технологиях социальной организации и деятельности обществ наиболее сложного типа.

В результате этого феномен коммуникации может быть воспринят и в качестве модели взаимодействий её сторон, и в качестве возможных форм связей между ними, и в качестве формы социальной организации, и в качестве зафиксированного во времени акта, и в качестве информации, циркулирующей между коммуникантами. Возможно, именно в силу этого научными и практическими изысканиями в сфере коммуникаций заняты специалисты разных дисциплин – физиологи, психологи, этнографы, этнологи, антропологи, биологи, философы, социологи, политологи, культурологи, историки, лингвисты, семиологи и даже математики, оперирующие противоположными по своей смысловой направленности научными подходами – сравнительным, монографическим или функциональным. Далеко не случайно возникло огромное число определений коммуникации и, вероятно, ещё продолжит возникать, а с ними закономерно будет множиться и число её концепций и моделей (Тимофеева, 2016, С. 75). Несмотря на столь широкую междисциплинарную многозначность феномена коммуникации, все научные изыскания органически сводятся к логике единственной смысловой модели обмена информацией между коммуникантами с помощью доступных им в данный момент вербальных, невербальных и графических инструментов. То есть речь идёт о са-

мой простой, однонаправленной, линейной модели передачи информации между коммуницирующими сторонами – Lasswell's model of communication (1948), ставшей прародительницей всех последующих коммуникационных моделей (Lasswell, 1948, С. 37–51). Известно как минимум о девяти коммуникационных моделях, следующих за Harold Lasswell's Model of Communication (1948) – Shannon and Weaver Model of Communication (1949); Theodore Newcomb's Model of Communication (1953); Wilbur Schramm & Osgood Model of Communication (1954); George Gerbner's Model of Communication (1956); Westley and Maclean's Model (1957); David Berlo Model of Communication (1960); Dance's Helix Model (1967); DeVito's Interactive Model (2003); Davis Foulger (2004). Все они явились результатом эволюции первой однонаправленной, линейной модели коммуникации, сутью которой является передача информации. Она лишь последовательно «усложнялась» зачастую не имеющими особого смысла дополнениями в виде нерелевантного, неоправданного и нежелательного «физического», «физиологического», «психологического» или «семантического» «шума», «передатчика» и «приёмника», «направленных» стрелок, «обратных связей», «сигналов» и «контента» информационного сообщения, «искусности» коммуникантов, «кодировщиков» и «декодировщиков», «времени», «языка» и «медиа».

В связи с тем, что все известные коммуникационные модели так или иначе связывают между собой людей, а значит, их информационное общение направлено на «обнаружение» их личностей в качестве субъектов, возникает один, но, пожалуй, самый существенный момент, позволяющий скорректировать общепринятое представление о характере процесса коммуникации как информационного обмена. Всё дело в том, что во всех коммуникационных моделях оба коммуниканта безотносительны к формам субъектности, а значит, они в принципе могут быть любыми. В результате этого суть и цель информационного обмена попадают в прямую зависимость от субъектности коммуникантов, которую, как мы понимаем, можно выбрать и назначить произвольно. Это делает все коммуникационные модели, по сути, универсальными, а значит, какого «кролика» ты посадишь в шляпу, такого на глазах у изумлённой публики и вытащишь в нужный момент. В результате этого важным становится не столько смысловое и информационное содержание передаваемой информации, сколько смысл её трансляции сторонами информационного обмена.

Необходимо понять, «почему» содержание передаваемой ими информации «представляет» их априори назначенную субъектность в том или ином качестве. Пожалуй, самым показательным в этом плане примером является постоянно упоминаемая в различных научных, учебных, деловых, официальных, публицистических изданиях и в обиходе модель коммуникации между условной «властью» и условным «обществом». Почему их следует считать условными, станет понятно в ходе последующих рассуждений. Сама же модель подобной коммуникации вызывает ряд вопросов. Каким образом в линейную и однонаправленную коммуникационную модель «власть – общество» уложить «диалог» вместо «монолога»? Какие реальные цели преследуются сторонами подобного «диалога», если от его информационного содержания их субъектность не изменится? Или всё же следует предположить, что речь идёт о готовности к «смене» сторонами «диалога» своей субъектности? Если учесть, что субъектность коммуникантов в ходе диалога меняться не будет, то его смысловая направленность сведётся, по сути, к бесконечному выяснению степени «привлекательности» и «значимости» коммуникантов, в существующей в настоящий момент модели массовой социальности, в контексте которой и рассматривается коммуникация между властью и обществом. Причина этому вполне очевидна – «системность» социальности.

Остановимся на этом моменте подробнее. Поскольку речь идёт о безотносительности коммуникантов к формам субъектности, ими могут быть как отдельные люди, так и их «специализированные» пулы. Очевидно, что в силу своей потенциальной многомерности и первые и вторые являются крайне «размытыми» субъектами, что, как мы понимаем, плохо согласуется с понятием «система». В результате этого они просто не смогут участвовать в направленных системных «информационных обменах». Приходится согласиться с тем, что все «политические коммуникации» будут формироваться в результате «взаимодействия образований» иного уровня социальной организации (Соловьёв, 2002, С. 6). Остаётся вопрос, на каком социальном уровне – локальном или глобальном – нам в конце концов следует остановиться? Поиск ответа на этот вопрос заставляет нас вернуться назад и обратить особое внимание на общий для любых социальных общностей элемент, то есть на их «базу» – человека. Ведь только ему оказалось по силам не только целенаправленно «навесить» на социальность соответствующий системный ярлык, но и воспользоваться им для формализации своего

субъектного статуса в назначенной им же системности.

Если мы имеем в виду именно межличностную коммуникацию, важным становится «смысловая» наполненность участвующей в информационном обмене личности, которая, как мы понимаем, зависит от знаний о природе человека. По мере их расширения перед нами последовательно возникали исторические реинкарнации человеческого образа как существа «теологического», «существа природного», «существа антропологического», «существа психологического», «существа политического» и «существа социального». Поскольку под маской образа всегда скрыт реальный человек, являющийся, как известно, «мерой всего», но которого так трудно самого измерить, можно говорить о том, что мы всегда будем иметь дело с той или иной его «функцией», детерминированной и ограниченной рамками *единой массовой системы*, с присущим ей единым универсальным типом мышления – символическим.

Заметим, что возможные системные образы человека символически «кодируются» на разных системных уровнях. Три из них – «теологический», «политический» и «социальный» – жёстко кодируются посредством гегелевского социального менеджериализма на уровне психосоциальной системы, тогда как три оставшихся – «природный», «антропологический» и «психологический» – «кодируются» куда тоньше и порой неуловимо на психофизическом уровне отдельного человека. Полагаемая «как целокупность, как начало», «формирующее отличный от мира» независимый «универсум», символическое справедливо считается «диалектической структурой», состоящей из управляющих и управляемых элементов (Лакан, 2009, С. 45). В зависимости от своей системности она будет *управляться* или единым «Творцом неба и земли, всего видимого и невидимого», или «Великим Парламентом Инстинктов», или разного рода «Дискурсами» – психологическим, политическим или социальным (Лоренц, 1983, С. 171–216) (Лакан, 2011, С. 21–24).

Если в этом контексте продолжить рассуждать о человеке как о некой *системной функции*, то не только его субъектность, но и суть межличностной коммуникации, а также между человеком и окружающей его действительностью становится предопределённой. В результате мы попадаем в ситуацию, хорошо описываемую таким понятием-метафорой, как «смерть субъекта», предполагающей «растворение» человека как «автора» в структуре. Закономерно, что в этом случае совершенно напрасными выглядят «все при-

тязания на расшифровку его текстов», ибо сначала необходимо будет расшифровывать их структуру (Барт, 1989, С. 389). Подобное положение заставляет нас задуматься о том, в каком месте в этом случае возникает связанное с субъектностью коммуникантов политическое, ведь под ним всегда понимается «направленная» и «направляемая» авторская «работа» по *организации* себя и своего окружения. С большой долей уверенности можно говорить о том, что политическим субъектом в этом случае становится сама массовая система со свойственным ей структурным принципом, тогда как все её составляющие утрачивают этот статус, превращаясь из субъекта в субъективность. Являясь направленным авторским действием, политическое априори предполагает свободу творчества. Это заставляет задуматься о том, присутствует ли оно реально внутри структурированной символической системы. Далекое не случайно, ведь существует понятие «внесистемная оппозиция», которая в отличие от её антипода – «системной оппозиции» – может считаться потенциально свободной в своём политическом творчестве.

Если согласиться с утверждением о том, что коммуникация базируется на одном смысловом начале – на селекции «информации», «сообщения» и «понимания», что отчасти верно, то в случае появления в её модели субъективностей она действительно станет возможной лишь в момент понимания различия между информационной ценностью содержания сообщения и способом, которым его содержание сообщается (Луман, 1995, С. 8). Заметим, что именно способность коммуникантов провести смысловую границу между самой информацией и формой её сообщения позволит отличить её *от простого восприятия их поведения или действия*. Тем не менее в этом тезисе присутствует одно слабое место. Оно обусловлено уже упомянутым выше парадоксом – «почему» содержание транслируемой коммуникантами информации «представляет» их в том или ином качестве, если их субъективность определена как системная функция? Вновь обратимся к основополагающей модели коммуникации – Lasswell's model of communication – и акцентируем своё внимание на последней её составляющей – «With What Effect?» (Lasswell, 1948, с. 37). Поскольку речь идёт о воздействии на структурируемую единым принципом мышления социальную аудиторию, представляется важным анализ результата коммуникации, который, как мы понимаем, в этом случае далеко не очевиден. Ведь в противоречие между собой вступают состав-

ляющие Lasswell's model of communication – «Who?» и «To Whom» с «Says What?» и «With What Effect?». Нельзя не заметить, что две составляющие этой модели – «Says What?» и «With What Effect?» – являются не чем иным, как самой информацией, которую и нужно просто уметь селекционировать. Возможно, именно это и стало причиной постепенного отягощения Lasswell's model of communication (1948) различными дополнениями, о чём уже написано выше. Уместно говорить о том, что Lasswell's model of communication фактически можно свернуть до состояния «Who?» – «Says What?» – «To Whom». При этом её составляющая «Says What?» будет содержать в себе и последнюю составляющую – «With What Effect?», – которая и становится определяющей смысл коммуникации, поскольку содержит в себе побудительное начало, которое очевидно предполагает и реакцию на него. Побуждая «To Whom» к активным ответным действиям, она в то же время содержит в себе и ограничительные рамки, ибо «Who» вряд ли согласится добровольно расстаться со своей символической системной субъективностью. Следствием этого может стать восприятие информационного сообщения в качестве принадлежащего смысловой системе «посредника», который, побуждая коммуникантов к активным, но в то же время ограниченным действиям, обретает субъективность, а с ней и соответствующую ей политическую принадлежность к символической системе. Заметим, что по своему смыслу это полностью соответствует общепринятой функции посредника, которого «система» выделяет для урегулирования конфликта, возникшего между двумя её элементами. Далеко не случайно её мыслят, в частности, как инструмент «распределения власти в системе отношений «государство – общество», хотя трансляция «политического контента» с целью формирования у коммуникантов «виртуального пространства ценностей, смыслов, идей, образов и представлений о реальности», по своему смыслу, больше всё же соответствует понятию «информационное посредничество» (Володенков, 2017, С. 115).

Поскольку все составляющие коммуникации «воспроизводятся через саму коммуникацию», приходится согласиться с тем, что введение в неё «информационного посредника» автоматически замыкает её саму на себя. То есть можно говорить о том, что «коммуницировать начинает сама коммуникация», не только производящая «действие», но и «специфицирующая» как собственные составляющие, так и «свои структуры» (Луман, 1995, С. 4–16). Так как

влияние информации и как целенаправленного сообщения, и как «символической генерализации» смысловой константы системы посредством языка, письма, символов, знаков и других доступных для этого средств межличностного общения является очевидным, её действительно можно считать властью (Луман, 2000, С. 3). Сообразным в этом контексте выглядит утверждение о том, что лежащие в основе общественных институтов властные отношения возникают именно в процессе коммуникации, поскольку информационное «влияние на умы и формирование сознания» на деле является «более устойчивой и действенной формой доминирования» (Кастельс, 2017, С. 6). Всё это свидетельствует о том, что передаваемая в ходе коммуникации информация имеет возможность стать её важнейшей производительной силой – субъективностью, «перепрезентующей» субъективность не только самих коммуникантов, но и субъектность самой массовой фабульной символической системы.

ОБСУЖДЕНИЯ

На этом фоне возникает вопрос о возможной форме передаваемой коммуникантами информации, которая, как мы понимаем, может изменить модель и весь характер коммуникации, оставив при этом неизменной смысловые константы самой системы. Поскольку больше нет необходимости проводить смысловую границу между самой информацией и формой её сообщения, её нужно воспринимать как единое целое, к котором каждое слово, каждый знак, каждый звук становится направленным и структурированным автором смыслом – символом. Это позволяет говорить о том, что любое информационное сообщение в системе по своему смыслу является рациональным, даже если оно по форме является эмоциональным. Эмоциональным могут быть лишь причины отправки и последствия его получения. Поскольку обмен информацией провоцирует органические преобразования структуры символической системы, можно говорить о том, что по своему содержанию он носит мифологический характер. Ведь эффективность транслируемой коммуникантами символики состоит в способности стоящих за ними и построенных на разном материале и разных человеческих уровнях – на уровне физиологических, бессознательных психических процессов и процессов сознательного мышления гомогенных структур – влиять друг на друга, не выходя при этом за рамки единой системы. Поскольку миф или будет отражать «отношения» коммуникантов в социальной системе посредством «общих для всех людей чувств –

любви, ненависти, мести», или, наоборот, станет попыткой объяснить малопонятные их отклонения от системных норм посредством «вытесненных чувств», они могут иметь «любой предикат», а значит, возможными становятся и любые мыслимые их коммуникации (Леви-Стросс, 1985, С. 209–215). Согласимся с утверждением о том, что у мифа не может быть «субстанциональных» границ», а есть только «формальные» границы.

Сопоставив между собой понятие информационного посредника и понятие мифа, мы приходим к пониманию того, что возникает новая систематизированная коммуникативная модель, формальным центром которой является миф. Поскольку благодаря ей «мифологизируются» не только все стороны коммуникационной модели, но и формализующая её единая массовая система, которая, по сути, замещается её мифическим суррогатом, сам миф превращается в новую «коммуникативную систему», и с этим приходится согласиться (Барт, 2014, С. 265). Это значит, что, смещая акцент с системных функциональных субъективностей на системную функциональную информацию, мы рискуем оказаться её заложниками и далее рассматривать окружающий нас мир как миф, в котором присутствуют только два цвета – белый и чёрный, и две стороны – добро и зло. Они будут соединёнными между собой либо посредством связанного эпического или драматического мифологического сюжета в виде единой логической модели взаимодействий, либо модели, наоборот, способствующей проявлению, обезвреживанию и оправданию возникающих между ними противоречий. Наверное, нет необходимости останавливаться на этом более подробно, за исключением одного важного момента, которого невозможно избежать в силу того, что это становится поистине массовым явлением современного мира. Речь пойдёт о процессе цифровизации, ставшей поистине главным трендом современности.

Являясь всего лишь формой информационного посредника, цифра начинает претендовать и на нечто большее – на миф, который, как мы понимаем, формализует и унифицирует чувства людей, лежащие в основе отношений между коммуникантами в социальной системе и «вытесненные» из неё. Поскольку цифра жёстко фиксирует содержание любой информации, на выходе мы получим не что иное, как формализованную и ещё более грубую модель коммуникации. Надо при этом понимать, что всякая формальность может иметь два смысла. С одной стороны, форма является осуществлённой и изолированной целостностью, тогда как, с другой

стороны, она является совокупностью условностей, из которых можно вывести как теоремы, регулирующие соотношение её составляющих, так и прямые следствия таких условностей, которые затем становятся ограничивающим всё законом. В результате этого, помимо системной мифологической систематизации, она окажется ограниченной и возможностями математической машины исчисления, которая сама по себе ничего не сможет описать без вмешательства в неё человека. Результатом подобной «двойной» формализации коммуникации становится универсальный системный мифологический нарратив – «ДА» – «НЕТ», заставляющий, вне зависимости от внешних и внутренних условий, всегда поступать именно так, и никак иначе.

Несмотря на столь явную ограниченность мифологизированной и цифровизированной информации, лежащей в основе межличностной коммуникации, мы, тем не менее, упорно продолжаем рассуждать об информационном и даже цифровом обществе, под личиной которого все пытаются разглядеть новый тип массовой информационной глобальности, структурированной и замкнутой самой на себя коммуникации, претендующей и на «собственный смысл», и на «импульс для существования». В силу своей системно-мифологической социально-человеческой двойственности, меняющей порядок производства, передачи и обработки информации, «полуавтономная» коммуникация обретает собственную «целесообразность», которая, очевидно, не будет совпадать с целями задействованных в ней людей (Van Dijk Jan, 2006, С. 19, 20). Становясь «общим принципом *системного* (курсив наш) построения» социальности, позволяющим сохранить её комплексность», коммуникация формально, возможно, и позволит рассматривать человеческое сообщество как информационное. Однако в этом случае придётся переосмыслить и сам феномен «самоорганизации» полностью закрытой информационной системы, в которой все «компоненты, из которых она состоит, будут воспроизводиться только через саму коммуникацию» (Луман, 1995, С. 4). Очевидно, что любая самоорганизованная информационная система не будет иметь никакой конечной цели, кроме как самосуществования, чего нельзя, конечно, сказать о её элементах – людях. Поскольку внутри замкнутой самой на себя социальности, не имеющей иной цели, как самосохраниться, априори присутствует конфликтность – занимающие одну и ту же социальную нишу люди «по ошибке или из зависти» с «упорством и явной жестокостью» стремятся «уничто-

жить» друг друга, в результате чего её информационная глобальность сразу оказывается под вопросом (Леви-Стросс, 2018, С. 93). Причина этого скрыта в «полуавтономной» «системности» коммуникантов. С одной стороны, они обычные люди и члены человеческого сообщества или глобальной социальности, тогда как с другой стороны – они члены того или иного общества или локальной социальности – граждане, православные, мусульмане, эскимосы, русские, американцы, индусы, китайцы, консерваторы, либералы, гастрономы, библиофилы, любители породистых собак или любители живописи, и пр., и пр. Именно внутри этих локальных «сообществ», являющихся, по сути, своеобразными подсистемами человеческой глобальной социальности, постоянное присутствие других превращает жизнь каждого человека в бесконечную битву или за первенство, лидерство, убеждения, доктрины, религию, мораль, нравственность, ресурсы и территории, или за купирование возникающих при этом различных случайных угроз. Заметим, что это сражение ещё и усугубляется посредством соответствующих мифов, циркулирующих как на уровне изолированных сообществ, так и на глобальном общечеловеческом уровне, которые легко превращают любые «доказательства превосходства» в «кетч», то есть в «требующее страстей» и «сочувствия» зрелище, которое отменяет «понятие мотивов и следствий», а значит, и саму «правду». Поскольку задачей противоборствующих сторон в этом случае становится соответствие противоборствующих сторон своей мифологической субъективности, перед ними стоит задача, чтобы «аккуратно» исполнить ожидаемые от них «жесты» (Барт, 2014, С. 74, 75). Выходом из такого «полуавтономного» мифологического тупика может стать акцент на «гуманитарной основе» каждой автономной символической системы, ибо если «ценность общества – это ценность, которую оно придаёт отношению человека к человеку», то можно легко примерить между собой не только «либерализм» и «коммунизм», но и любых мифологических противников (Merleau-Ponty, 1985, С. 14–18). Возможно, для этого придётся обратиться к иной форме организации глобальности, к чисто человеческой, которая окажется способной разом купировать все иные символические мифологические системности.

Обратимся теперь к другому столь же многозначному по своему смыслу феномену сети, основой которой являются взаимодействующие между собой люди. Её, как, впрочем, и её визави – коммуникацию, – также представляют посредством графа, узлами которого

являются взаимодействующие между собой субъекты, а связывающие их действия – его рёбрами. Для того чтобы провести границу между сетью и коммуникацией, обратимся к двум, на наш взгляд, существенным моментам. Явной подсказкой для этого становятся вышеизложенные размышления относительно феномена коммуникации. В первую очередь речь пойдёт о субъектности сетевого узла, то есть о её смысловом наполнении. Поскольку речь, как мы помним, продолжает идти исключительно о межличностном взаимодействии, определяющим фактором становится субъектность человека, выступающего теперь уже в качестве узла сети. Человек более не может быть ни теологической, ни природной, ни антропологической, ни психологической, ни политической, ни социальной «функцией», а оставаться человеком – мерой всех вещей (Леви-Стросс, 1985, с. 93). Он должен быть полноправным членом только лишь одной системы – человеческого сообщества как единой символической системы, универсальной по своему смыслу. Поскольку на всех уровнях и в каждый момент символическая функция участвует в жизни каждого человека, она может считаться как универсальной, так и формальной, а значит, представлять собой одновременно и всеобщую, и осуществлённую, изолированную, размеченную теоремами и законами целостность. При этом человек не может забыть и «о ступеньках, оставшихся позади», позволяя им «сгнить» и лишая таким образом символическую общечеловеческую концепцию определённого «простора». То есть все пройденные каждым человеком «ступени» заслуживают того, чтобы о них помнили и пополняли универсальную символическую человеческую всеобщность (Лакан, 2009, С. 42). Вероятно, что в этом случае он действительно не сможет провести жёсткую границу между коммунизмом и капитализмом, между гуманизмом и террором, между гениальностью и фашизмом.

Возникает закономерный вопрос – каким образом это возможно и как этому может способствовать сеть, выступающая в двух ипостасях – как принцип действия и как принцип организации новой глобальной общечеловеческой социальности? Ответ на этот непростой вопрос придётся искать в порядке производства символической субъективности. Очевидно, что в нашем случае речь пойдёт о универсальной человеческой субъективности, которая «не складывается потихоньку, постепенно», а появляется там, где «является» символ, который «уже имплицитно» заключает в себе человеческое «Я» (Лакан, 2009, С. 44, 45). Поскольку за символическими символами всегда

скрывается человек как субъект, придётся искать ответ не на вопрос, почему освобождённые слова представляют человека, а на вопрос, до какой степени человек является продуктом освобождённых слов или других, производимых им видимых, слышимых и чувствуемых знаков и символов.

Это позволяет говорить о том, что смысловым отличием сети от коммуникаций становится субъектность её элементов. Если при коммуникации субъектом является сама единая массовая система, с присущим ей единым типом мифического, символического, функционального, социального мышления, закономерно понижающая субъектность коммуникантов до символической субъективности, то в сети идёт обратный процесс – субъект производится посредством символической человеческой субъективности, которая является совокупностью всего того, что принадлежит миру человека. Сами же субъективности при этом являются результатом взаимодействующих посредством отношений субъектов. Поскольку процесс производства субъективности происходит одновременно на межличностном и социальном уровне, он является крайне запутанным и далеко не однозначным. Транслируя друг другу свои убеждения, свою мораль, свои мифы, свои эмоции, свои речевые обороты, люди ведь оставляют у себя соответствующую информацию, которая может проявиться в неожиданный момент в силу суггестивности передаваемых и сохраняемых ими символических образов. Очевидно, что эмоциональная составляющая информации о субъективности человека в этом случае не исчезает, как это происходит при коммуникации, а корректирует рациональную составляющую. Она фактически начинает управлять процессом символического обмена между людьми, балансируя между двумя крайностями – «эгоизмом» и «альтруизмом». Поскольку субъективность является результатом коллективного плана, предполагающего сосуществование не только множества индивидов, которых можно считать его частным случаем, связанным с определённым типом социальной практики, но и системных машинных, технологических и экономических фактов, связать всё это воедино под силу лишь эмоциям. Посредством них происходит или чувственное «сглаживание» всего того, что «скрещивает фиксированные и переменные» системные величины, прочерчивая «диагональное» через «вертикальное и горизонтальное», или, наоборот, чувственное «скрещивание» как фиксированных, так и переменных величин с целью «упорядочивания» и «последования» различных форм (Делёз, Гваттари, 2010, С. 812).

Поскольку нами была поставлена задача сопоставления между собой системной социальной коммуникации и априори внесистемного межличностного сетевого взаимодействия, то и для него также придётся искать некое универсальное системное основание на уровне отдельного человека. Возможно, речь придётся вести о системном психологическом взаимодействии людей. Несмотря на то, что таким образом из схемы межличностного взаимодействия фактически удаляются придающие ей гибкость коллективные планы и эмоции, это, с нашей точки зрения, позволит достаточно корректно сопоставить между собой системную социальную коммуникацию и системное психологическое взаимодействие людей. Заметим, что обе эти системности могут восприниматься в качестве самовоспроизводящихся закрытых систем, а значит, могут быть описаны посредством универсальной модели – Lasswell's model of communication. При этом надо понимать, что одна из них, коммуникационная, «не может думать», тогда как вторая, сознательная, «не может коммуницировать» (Луман, 1995, С. 13). Вероятно, внутри этих моделей будет циркулировать преимущественно рациональная информация о состоянии коммуницирующих и взаимодействующих между собой субъективностей. В результате этого характер межличностного психологического взаимодействия, возможно, попадает в прямую зависимость от постоянной циркуляции субъективных лакановских дискурсов: «господин» – «университет» – «аналитик» – «истерик» в разных направлениях-смыслах – путём «знаний» от «господина» к «аналитику» или, наоборот, – путём «эмоций» от «аналитика» к «господину», в результате которого «все взаимно пересекаются, но никто не показывает виду» (Лакан, 2011, С. 23–25). Заметим, что даже в столь формальной и часто критикуемой за излишнюю сциентичность схеме всё равно явно присутствует информационный эмоционально-рациональный переход, что заставляет задуматься о степени её «отвлечённости» от человека. Чем тогда является упомянутый выше «эгоизм» и «альтруизм»? Возможно, его следует как-то соотносить с противостоящими друг другу лакановскими дискурсами – первый с дискурсом «господина», а второй с дискурсом «аналитика». Можно сказать о том, что речь идёт об активном создании взаимодействующими невыразимыми и неартикулированными человеческими субъектами своих символических субъективных образов и обмена ими в процессе взаимодействия.

Создавая символические субъективности посредством языка, звуков, запахов, символов, мемов, смайликов, человек как субъект

делает возможной собственную артикуляцию, а с ней самопризнание себя как личности и признание в этом качестве другими субъектами. Поскольку символические субъективности являются, по сути, информационными сообщениями, то возникает соблазн считать их своеобразными информационными «посредниками», которые, как мы помним, побуждают взаимодействующих между собой людей к активным, но в то же время ограниченным единой символической системой действиям. Однако, в отличие от коммуникации, их субъективный трансфер невозможен, ведь они являются всего лишь внешней, видимой, «плоской» частью человека как субъекта, тогда как его глубина скрыта от нас. Сам окружаемый символическими субъективными образами или информационными посредниками человек всегда пребывает в квантовом состоянии эмоционально-рациональной неопределённости, застряв где-то между «господином» и «аналитиком». Очевидно, что чем «быстрее» циркулируют дискурсы, тем быстрее меняются и сами субъективности, создавая при этом на первый взгляд «невозможные» и даже подчас «глупые» их комбинации. В результате всё ускоряющейся смены символических субъективных образов прячущийся за ними субъект – человек – обретает всё более чёткие очертания и всё большую смысловую глубину, превращаясь, по сути, в центр аттракции собственных символических субъективностей. Чем больше субъективных образов будет явлено миру и чем они будут разнообразнее и даже на первый взгляд «глупее», тем более широкое поле для анализа состояния и устремлений человека у нас возникает. Шансы узнать о взаимодействующих субъектах что-то новое в этом случае явно повышаются. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что «субъект» – это не тот, «кто мыслит», а тот, «кто говорит», и говорит при этом «глупости» (Лакан, 2011, С. 29). В результате даже в «глупом», магическом поведении субъектов легко можно усмотреть их естественную или искусственную реакцию на конкретную ситуацию, которая будет восприниматься «аффективно», даже несмотря на то, что её сущность может лежать «в сфере интеллекта» (Леви-Стросс, 1985, С. 163). Всё дело в том, что в случае межличностных сетевых взаимодействий даже в искусственно рационализированной информации легко усматриваются два системных общечеловеческих начала – господский «эгоизм» и аналитический «альтруизм». Важным становится лишь признание соответствующих «желаний» субъектов, которые и являются основой для действующей сети, производящей субъективности.

Базирующуюся на работе, движении, изменении, потоке событий производящую субъективности сеть, без сомнения, можно полагать и как «сеть действий» (worknet), и как «действующую сеть» (network), ведь всё действительно зависит от того, какого рода действие «перетекает» от одного человека к другому (Латур, 2014,; С. 198–201). Поскольку посредством её культивируются производящие субъективности отношения, за которыми затем следуют или не следуют соответствующие вербальные и невербальные действия, ведущие в свою очередь к новым конфигурациям межличностных отношений, она, очевидно, выполняет роль инструмента, посредством которого организуется политическая работа по формированию цельного образа человека как субъекта. Сам символический образ субъекта или его субъективность следует воспринимать в выбранной нами простой сциентической схеме как своеобразного информационного посредника между взаимодействующими между собой субъектами. При этом он, очевидно, не может избежать и присущего любому посреднику мифологического флера. Правда, в отличие от коммуникации, мы имеем дело с потенциальной множественностью информационных посредников, а с ними и потенциальной множественностью мифов. Даже в случае двух взаимодействующих между собой субъектов у каждого из них будет свой индивидуальный информационный посредник. Это значит, что в перспективе речь может идти не только о межсубъектном взаимодействии людей, но и о коммуникации между двумя их символическими образами. Это, на наш взгляд, представляет серьёзную проблему, которую потребуется разрешить на пути к общечеловеческой символической системной универсальности. Очевидно, что любая субъективность, выступающая в роли информационного символического посредника, будет нести на себе политическую нагрузку. Поскольку человеческая субъектность всегда производится посредством отношений между самим человеком и его символическими субъективными образами, политическое фиксируется именно на этом уровне. Результатом этого является то, что все отношения в сети становятся политическими. Сама же сеть, в отличие от системы, политической нагрузки нести уже не будет, поскольку искомая политическая системность переходит на межличностный человеческий уровень, на уровень психоанализа и метапсихологии. Заметим, что пока знания о человеке «заканчиваются» именно на этом уровне.

Поскольку у людей как субъектов политических отношений возникает множество постоянно изменяющихся символических визави, их условно можно разделить на «образы движения» и «образы времени» (Делёз, 2013, С. 75–86; 275–295). Поскольку субъектность человека формируется символическими субъективностями, их пространственный пул позволяет фиксировать её в определённые моменты времени, тогда как их темпоральный пул позволяет проследить её эволюционную ориентацию. Сеть политических отношений между субъектами и их «образами» приобретает одновременно пространственно-топологическое и темпоральное измерение, позволяя в зависимости от ситуации детерминировать или «состояние» субъекта, или его эволюционный «импульс». Поскольку фиксация конкретного состояния субъекта в конкретный момент времени возможна лишь в случае мгновенной остановки наблюдателем процесса производства субъективностей, одновременно с этим происходит и фиксация состояния сети взаимодействий. В результате этого её ошибочно начинают воспринимать как систему, которую можно графически изобразить в виде направленного сложного графа. Заметим, что подобными мгновенными «снимкам» сети взаимодействий между субъектами изобилуют многие популярные и даже научные издания, где ошибочно одновременно «фиксируются» субъектность сетевых узлов и направленность информационного потока.

В соответствии с положениями теории сложных сетей об активных узлах и активных связях потенциальное многообразие символических субъективных образов, вкупе с их активностью, формирует благоприятную среду для флорривской «перколяции» идей и моделей поведения людей. Благодаря этому гетерогенный политический субъектный «золь» превращается в гомогенный символический субъективный «гель». При этом возникает эффект «предпочтительного» присоединения субъектов, в соответствии с которым лишь некоторые из них, обладающие большим количеством разнообразных отношений, становятся «сетеобразующими». Благодаря этому «привлекательность» субъективностей и транслируемых посредством них идей становится реальной основой для возникновения известного нам политического концепта «мягкой силы». Очевидно, что внимание к «сетеобразующим» субъектам будет всегда повышенным, ведь на этом фоне возникает прямая ассоциация с понятием многополярности, но уже несколько в ином – непривычном нам «несиловом» контексте. Проявляющийся в

этом случае эффект «безмасштабности» не позволяет выделить в ней более «типичный узел» как более типичную человеческую субъектность, поскольку масштаб различий между людьми как элементами универсального символического сообщества становится одинаковым. В результате этого графы отношений в семье, социуме, государстве, цивилизации часто видятся подобными в силу фрактальности универсальной символической общечеловеческой системы (Михайленок, 2023, С. 113).

Логика сетевого взаимодействия подвигает человека как субъекта отношений учиться правильно пользоваться эмоциональным и рациональным информационным «капиталом». Благодаря этому сеть политических отношений может оказаться способной увеличить свой адаптационный «самообучающийся» интеллектуальный потенциал, столь желанный для последующей эволюции сетевых узлов, не позволяя им покидать пределы человеческого и природного естества. Сетевые политические отношения в этом случае окажутся ориентированными не на выстраивание молярных институтов, молекулярных потоков, а на производство множественных дискурсивных практик, позволяющих достигать согласия между узлами сети как «соратниками» относительно их совместной с природой эволюции. Можно говорить о том, что сетевые политические взаимодействия субъектов со своими и чужими символическими субъективностями фактически становится драйвером «политизации жизни».

Важным моментом, органически вытекающим из смыслового содержания личности человека как субъекта и сетевого узла, является его способность «возвыситься над своей биологической природой» и стать «политическим животным», способным достигать поставленных им же целей, «используя для этого не клыки и грозный рык, а разум и мораль». То есть «господство силы, сведение политики к борьбе должны быть потеснены, а в конечном счёте вытеснены рационально организованной *властью* и, главное, *свободой* (курсив наш)» возвышающих её «до универсальной способности целедостижения» (Кастельс, 2017, С. 4). Именно она и является неперенным условием возникновения сети, а с ней и политического производства человеком своих субъективностей. В связи с тем, что в сети межличностных взаимодействий человек постоянно занят организационной «политической работой», от «ясности» и «проработанности его понятий», «от точности слов» и «последовательного развёртывания смыслов» в ходе каждого из

лакановских «дискурсов» зависит и результат его действий – «те институты и слагаемая ими конституция, которые могут помочь всему человечеству «вести достойную жизнь без насилия и рабства» (Ильин, 1997, С. 7).

Немаловажным моментом видится и подлинная массовость сети, ведь по мере обретения человеком свободы, его освобождения от априори избранной или назначенной системности, развития технологий межличностного общения в неё будет включаться всё больше и больше людей. В потенциале сеть межличностных взаимодействий может охватить всё население Земли, превратившись в связанную посредством межличностных коммуникаций общечеловеческую систему, базовыми элементами которой будут «населяющие Землю люди» (Arendt, 1958, С. 234). Заметим, что в этом случае различие между коммуникацией и сетью исчезает, поскольку основой человеческой системы становится сам человек как человек, а не его социальная функция. Поскольку это предполагает свободную циркуляцию информации о каждом человеке, позволяющей сводить человеческие символические субъективности в единую человеческую субъектность, то в отличие от системного «рифлёного пространства», в котором всегда присутствует «закрытая поверхность», размеченная согласно «назначенным» политическим купюрам, в «гладком» открытом информационном пространстве человек сам «распределяет» себя согласно «частотам и длине пробега» (Делёз, Гваттари, 2010, С. 817). В перспективе все люди могут оказаться связанными между собой информационными потоками, что предполагает их полную информированность не только о конкретном состоянии себя и всех остальных в конкретный момент времени, но и о своих и чужих намерениях. Можно говорить о том, что в результате открытых и свободных сетевых межличностных информационных обменов между людьми и возникает подлинная информационная глобальность. В этом плане сетевое общество, очевидно, окажется гораздо ближе по своему смыслу к информационному, чем любая массовая социальная система, в которой сама информация может оказаться субъектом. Возможно, следует говорить о их смысловом совпадении между собой, поскольку сеть, как мы помним, является технологией как совокупностью способов и инструментов для формирования подлинной информационной глобальности. В отличие от замкнутой самой на себя коммуникации, которую также можно считать технологией для формирования информационной локальности, сеть

межличностных отношений и действий всегда будет сохранять свой творческий потенциал. Он будет зависеть не только от числа взаимодействующих между собой людей, которое, как мы понимаем, может оказаться очень большим, но всё же конечным, но и от внутренней беспредельной человеческой «глубины», постоянно дополняемой если не самими людьми, то посредством их «киборгизации» с последующим уходом в безграничное киберпространство. Можно говорить о том, что эволюционное «путешествие» человека по сети – это не столько противостояние с любой жёсткой системой, сколько «трудное», политически «неопределённое становление» в самых разнообразных «смыслах-направлениях», формирующих человека как элемент глобального человеческого сообщества (Делёз, Гваттари, 2010, С. 820).

Из всего вышеизложенного можно сделать ряд выводов.

По своему смыслу феномен коммуникации и феномен сетевого взаимодействия могут быть как антиподами, так и сходиться между собой. Определяющим фактором в этом плане становится «системность» человека, которая может быть либо назначена сверху, либо приобретена в ходе межличностного взаимодействия. Поскольку речь идёт о межличностном взаимодействии, то определяющим становится уровень «систематизации» человека, который должен совпадать с самим человеком и определяться горизонтом знаний о нём. Уровень систематизации не должен мгновенно переноситься на более высокие социальные уровни, а постепенно эволюционно доходить до глобального общечеловеческого уровня.

Поскольку речь идёт о производстве субъективности и прячущейся за ней субъектности человека как коммуниканта или сетевого узла, определяющим становится технология их производства. Если при коммуникации субъектом является сама массовая система, с присущим ей единым типом мифического, символического, функционального, социального мышления, закономерно понижающая субъектность коммуникантов до символической субъективности, то в случае сетевого взаимодействия идёт обратный процесс – субъект производится посредством символической человеческой субъективности, которая является совокупностью всего того, что принадлежит миру человека.

Символические субъективности являются по сути информационными сообщениями, которые в выбираемой простой сциентической схеме превращаются в информационных посредников между взаимодействующими между собой субъектами. В отличие от комму-

никации, при сетевом взаимодействии их субъектный трансфер невозможен, поскольку они являются всего лишь внешней, видимой, «плоской» частью человека как субъекта, тогда как его глубина скрыта от нас. Окружаемый символическими субъективными образами или информационными посредниками человек всегда пребывает в квантовом состоянии эмоционально-рациональной неопределённости, застряв где-то между «господином» и «аналитиком».

Любая субъективность, выступающая в роли информационного символического посредника, будет нести на себе политическую нагрузку. Поскольку человеческая субъектность всегда производится посредством отношений между самим человеком и его символическими субъективными образами, политическое фиксируется именно на этом уровне.

В соответствии с положениями теории сложных сетей об активных узлах и активных связях потенциальное многообразие символических субъективных образов, вкупе с их активностью, формирует благоприятную среду для флорригской «перколяции» идей и моделей поведения людей. Благодаря этому гетерогенный политический субъектный «золь» превращается в гомогенный символический субъективный «гель».

Обобщив все вышеизложенное, можно говорить о том, что коммуникация и сетевое взаимодействие являются двумя технологиями – инструментами и способами, формирующими два эволюционных ряда. Один детерминирует человеческий прогресс при переходе от абстрактной идеи к её реализации, тогда как второй детерминирует человеческий прогресс в историческом времени. Чем заканчивается первый вариант, нам хорошо известно. Тем не менее человек со свойственным ему упорством творца и архитектора любой социальности не прекращает попытки реализовать своё видение общего благостного социального бытия, используя для этого всё более изощрённые основания. В последнее время мы наблюдаем, как на первый план начинают выходить ценностные и морально-нравственные константы, которые, как мы понимаем, могут так усугубить ситуацию, что придётся говорить не столько о «глобализации», сколько об окончательной «атомизации» человеческого сообщества. Основной проблемой этого становится «назначаемая» или «обретаемая» «системность» человеческого бытия, а также способ её информационного оформления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно говорить о том, что сеть отношений и взаимодействий следует рассматривать в качестве информационной технологии, помогающей человеку создавать себя, а вокруг себя локальную или общечеловеческую глобальную социальность. Очевидно, что для её создания человеку нужно будет понять, что «есть политика, власть, свобода, а что – их извращённые формы: борьба, насилие и рабство» (Ильин, 1997, С. 5). То есть ему следует отказаться от общепринятых мифов и свести наконец между собой слова и смыслы. Поскольку в ходе изложения материала был использован приём схематического упрощения коммуникации и сети до однолинейной модели информационного обмена – Lasswell's model of communication, то все полученные в ходе этого мысленного эксперимента результаты содержат ответы на скрытые вопросы: почему это может быть именно так, а не иначе? почему так важно выбирать правильное сочетание в передаваемой и принимаемой людьми информации эгоистических и альтруистических начал? к чему может привести привязка желаний человека к молярным агрегатам и необузданным молекулярным потокам? Ведь и у первых, и у вторых достаточно явно проявляются соответствующие информационные пределы.

Конечно, этот подход следует считать лишь началом переосмысления сути информационного обмена в ходе внутрисистемной коммуникации и в ходе сетевых взаимодействий между людьми, формализованными на психологическом и метапсихологическом уровне. Согласимся с тем, что для дальнейших исследований процесса политической коммуникации и политического сетевого взаимодействия, возможно, потребуется кардинальная перенастройка исследовательской оптики таким образом, чтобы используемые исследователями подходы оказались способными не только отображать «отдельные стороны и фрагменты» всего «комплекса социальных контактов», но и выявлять их «природу и сущность» (Соловьёв, 2002, С. 16). Первый шаг к этому, возможно, сделан. Вероятно, что последующее поведенческое моделирование на основе упрощённых формализованных схем информационного обмена позволит увидеть в коммуникации и в сетевом взаимодействии нечто большее – тупики, развилки, промежуточные итоги и пределы человеческой эволюции. Все начальные условия для этого уже созданы – есть формализованная модель, которую можно просто оцифровать и запустить в работу.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Ролан Барт, пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Издательство "Академический проект", 2014. – 352 с. – ISBN 978-5-8291-1564-7. – EDN VRSFCV.
3. Володенков, С. В. Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений "государство-общество" / С. В. Володенков // Государственное управление. Электронный вестник. – 2017. – № 62. – С. 104-118. – EDN YZJKMJ.
4. Делёз Ж. Кино / Жиль Делёз, пер. с фр. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2013. – 560 с.
5. Делез, Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез ; Жиль Делез, Феликс Гваттари ; [пер. с фр. и послесл. Я. И. Свирского]; Учреждение Российской акад. наук Ин-т философия. – Екатеринбург: У-Фактория, 2010. – ISBN 978-5-9757-0527-3. – EDN QWXZWV.
6. Докинз Р. Эгоистический ген / Ричард Докинз, пер. Н. Фомина [электронное издание] М.: АСТ, 2013. – 762 с. <https://www.litres.ru/book/richard-dokinz/egoistichnyu-gen-129015> (дата обращения: 16.02.2024)
7. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.
8. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – 4 издание. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2023. – 591 с. – (Переводные учебники ВШЭ). – ISBN 978-5-7598-2924-9. – DOI 10.17323/978-5-7598-2924-9. – EDN KPGAGG.
9. Лакан Ж. Семинары. Еще. Книга 20. 1972-1973. пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис/Логос, 2011. - 176 с. ISBN 5-8163-0037-7
10. Лакан, Ж. Семинары / Ж. Лакан; Пер. с фр. А. Черноглазова. – Москва: РГБ, 2005. – EDN QXFDWP.
11. Латур, Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Москва: Высшая школа экономики, 2014. – 384 с. – ISBN 978-5-7598-0819-0. – EDN SYZVMJ.
12. Леви-Стросс К. Печальные тропики / Клод Леви-Стросс, пер. с фр. М.: АСТ, 2018. – 448 с. ISBN: 978-5-17-111874-7
13. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКМО-Пресс, 2001. – 512 с. ISBN 5-04-008349-1

14. Лоренц, К. Агрессия : (так называемое "зло") / К. Лоренц ; Конрад Лоренц ; [пер. с нем. Швейника Г. Ф.]. – Москва: РИМИС, 2009. – ISBN 978-5-9650-0058-6. – EDN QYAOSD.

15. Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с нем. А. М. Ложеницына под ред. Н. А. Головина // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. – 293 с. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2972> (дата обращения: 10.09.2009).

16. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман, Д. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114-124. – EDN UCSVNB.

17. Михайленок, О. М. Сетевизация политических отношений: источник, способ, среда (часть II: способ и среда политического) / О. М. Михайленок, А. В. Назаренко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 10. – С. 112-117. – EDN AYJRFS.

18. Соловьев, А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5-18. – EDN ESCVFR.

19. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции / Л. Н. Тимофеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 74-100. – EDN WCJRHR.

20. Arendt H. The human condition / by Hannah Arendt. Second edition; introduction by Margaret Canovan. Originally published. Chicago: Chicago University of Chicago Press, 1958. – 350 p. (In Eng.).

21. Lasswell, H. D. (1948). The structure and function of communication in society. In L. Bryson (Ed.), The communication of ideas, pp. 37-51. New York: Harper and Row. (In Eng.).

22. Merleau-Ponty M. (1985) Humanism and Terror. Boston: Beakon Press. 189 p. (In Eng.).

23. Van Dijk Jan A.G.M. (2006) The Network Society. Social Aspects of New Media. London: SAGE Publications Ltd 1. 290 p. (In Eng.).

Сведения об авторах:

Михайлёнок Олег Михайлович¹ доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии, (ИС ФНИСЦ РАН), e-mail: m-oleg-m@yandex.ru; ORCID 0000-0002-8379-359X, eLibrary SPIN-код: 2874-1960, AuthorID: 385479,

Назаренко Алексей Владимирович, ¹кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии, (ИС ФНИСЦ РАН), e-mail: alek_nazarenko@mail.ru, Author ID: 722165, SPIN: 8447-2700, ORCID : 0000-0002-7520-4206, Scopus Id: 57205367405

¹ ИС ФНИСЦ РАН, адрес:117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

References:

1. Bart, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* / Rolan Bart, per. s fr. / Sost. obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. M.: Progress, 616 p. (In Russ.).
2. Bart, R. (2014) *Mifologii* / R. Bart. – Moskva: Izdatel'stvo "Akademicheskij proekt", 352 p. – ISBN 978-5-8291-1564-7. – EDN VRSFCV. (In Russ.).
3. Volodenkov, S. V. (2017) Politicheskaya kommunikaciya kak instrument raspredeleniya vlasti v sisteme otnoshenij "gosudarstvo-obshchestvo". *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. no. 62, p. 104-118. – EDN YZJKMJ. (In Russ.).
4. Delyoz, ZH. and F. Gvattari (2013) *Kino*, per. s fr. 2-e izd. M.: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 560 p. (In Russ.).
5. Delez, ZH. and F. Gvattari (2010) *Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya* [per. s fr. i poslesl. YA. I. Svirskogo]; Uchrezhdenie Rossijskoj akad. nauk In-t filosofiya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; ISBN 978-5-9757-0527-3. – EDN QWXZV. (In Russ.).
6. Dokinz R. (2013) *Egoisticheskij gen.*, per. N. Fomi-na. M.: AST, 762 p. – URL: <https://www.litres.ru/book/richard-dokinz/egoistichnyy-gen-129015> (data obrashcheniya: 16.02.2024) (In Russ.).
7. Il'in M. V. (1997) *Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevyh politicheskikh ponyatij*. M.: ROSSPEN, 432 p. (In Russ.).
8. Kastel's, M. (2023) *Vlast' kommunikacii*. 4 izda-nie. Moskva: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 591 p. – (Perevodnye ucheb-niki VSHE). – ISBN 978-5-7598-2924-9. – DOI 10.17323/978-5-7598-2924-9. – EDN KPGAGG. (In Russ.).
9. Lakan ZH. (2011) *Seminary. Eshche. Kniga 20. 1972-1973*. per. s fr. A. CHernoglazova. M.: Gnozis/Logos, 176 p. ISBN 5-8163-0037-7 (In Russ.).
10. Lakan, ZH. (2005) *Seminary*; Per. s fr. A. CHernoglazova. Moskva: RGB.– EDN QXFDWP. (In Russ.).
11. Latur, B. (2014) *Peresborka social'nogo: Vvedenie v aktornosetevuyu teoriyu*. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki, 2014. 384 s. – ISBN 978-5-7598-0819-0. – EDN SYZVMJ.
12. Levi-Stross K. (2018) *Pechal'nye tropiki*. per. s fr. M.: AST, 2018. – 448 s. ISBN: 978-5-17-111874-7 (In Russ.).
13. Levi-Stross K. (2001) *Strukturnaya antropologiya* / Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2001. 512 p. ISBN 5-04-008349-1 (In Russ.).

14. Lorenc, K. (2009) *Agressiya: (tak nazyvaemoe "zlo")* [per. s nem. SHvejnika G. F.]. Moskva: RIMIS. – ISBN 978-5-9650-0058-6. – EDN QYA OCD. (In Russ.).

15. Luman N. (2000) *Neveroyatnost' kommunikacii* / per. s nem. A. M. Lozhenicyna pod red. N. A. Golovina. *Problemy teoreticheskoy sociologii*. no. 3. Otv. red. A. O. Boronoev. SPb.: Izdatel'-stvo SPbGU, 293 p.– URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2972> (data obrashcheniya: 10.09.2009). (In Russ.).

16. Luman, N. and Ozirchenko, D. (1995) *CHto takoe kommunikaciya?* *Sociologicheskij zhurnal*, no.3. p. 114-124. EDN UCBIHB. (In Russ.).

17. Mihajlenok, O. M. and Nazarenko, A. V. (2023) *Setevizaciya politicheskikh otnoshenij: istochnik, sposob, sreda (chast' II: sposob i sreda politicheskogo)*. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. no.10. p. 112-117. EDN AYJRFS. (In Russ.).

18. Solov'ev, A. I. (2002) *Politicheskaya kommunikaciya: k probleme teoreticheskoy identifikacii*. *Polis. Poli-ticheskie issledovaniya*. no. 3, p. 5-18. EDN ESCVFR. (In Russ.).

19. Timofeeva, L. N. (2016) *Politicheskaya kommunikativistika: mirovaya i rossijskaya proekcii*. *Politicheskaya nauka*. 2016. no.2, p. 74-100. – EDN WCJRHR. (In Russ.).

20. Arendt, H. (1958) *The human condition* / by Hannah Arendt. Second edition; introduction by Margaret Canovan. Originally published. Chicago: Chicago University of Chicago Press, 1958. – 350 p. (In Eng.).

21. Lasswell, H. D. (1948). *The structure and function of communication in society*. In L. Bryson (Ed.), *The communication of ideas*, pp. 37-51. New York: Harper and Row. (In Eng.).

22. Merleau-Ponty, M. (1985) *Humanism and Terror*. Boston: Beakon Press. 189 p. (In Eng.).

23. Van Dijk Jan A.G.M. (2006) *The Network Society. Social Aspects of New Media*. London: SAGE Publications Ltd 1. 290 p. (In Eng.).

The authors:

Oleg M. Mikhailenok¹, *Doctor of Political Sciences, Professor, Main researcher, Head of the Department for Researcher of Social and Political Relations Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology (Russian Federation, Moscow), e-mail: m-oleg-m@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8379-359X*

Aleksey V. Nazarenko¹, *Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow),*

e-mail: alek_nazarenko@mail.ru ,AuthorID: 722165 , SPIN: 8447-2700, ORCID 0000-0002-7520-4206, Scopus Author Id: 57205367405

¹ Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology Federal Research Sociological Center Russian Academy of Sciences (IS FRSSC RAS) (Russian Federation, Moscow)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи, Все авторы – утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: all authors made an equal contribution to the research and writing of the article. All authors - approval of the final version of the article, responsibility for the integrity of all parts of the article.

© Mikhailenok O. M., Nazarenko, A.V., 2024